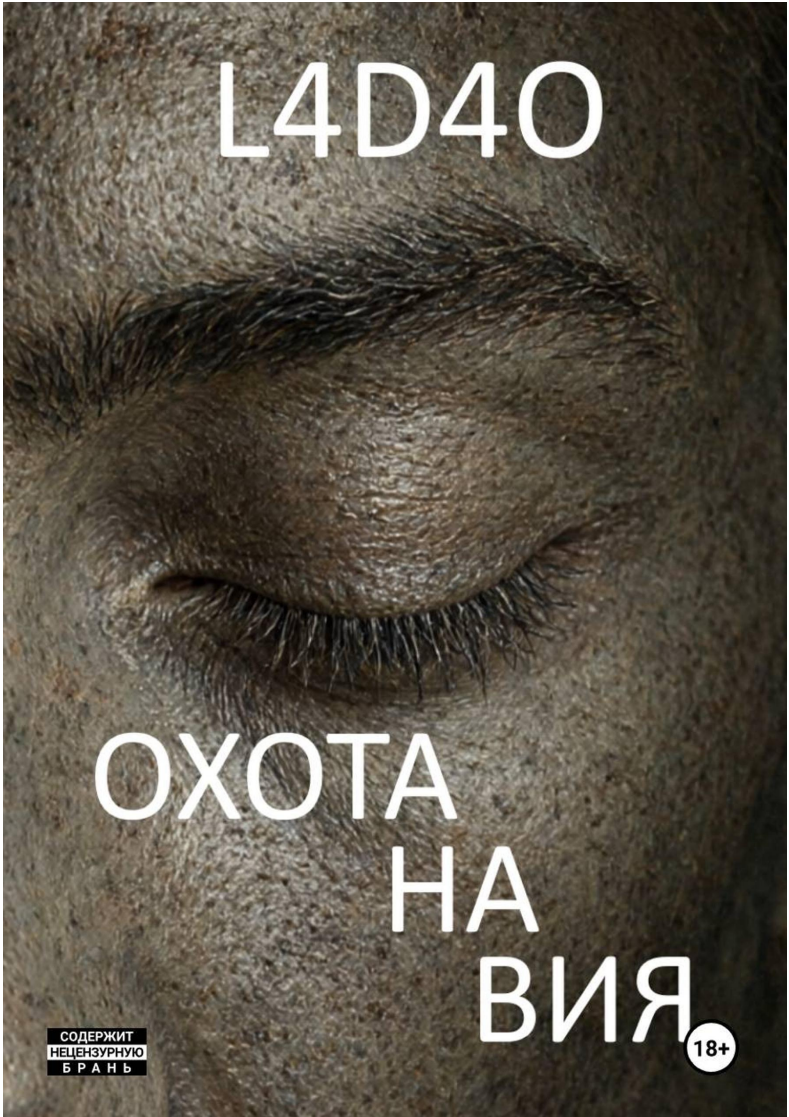

L4D4O
ОХОТА
НА
ВИЯ
18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

L4D4O L4D4O
Охота на Вия

https://litres.ru/74823267
SelfPub; 2026

Аннотация

Недалёкое будущее. Сбылся главный кошмар социологов: тотальная цифровизация, камеры и искусственный интеллект сделали людей одинокими, но независимыми от чужого влияния. То, что стало свободой для обычного человека, превратилось в ад для бытовых хищников — социопатов, шизофреногенных манипуляторов и прочих токсичных личностей. Лишившись привычной питательной среды, они перешли к открытой агрессии.

Теперь за их спинами тянется невидимый шлейф рукотворного безумия. И в новом мире этого достаточно для ареста и полной изоляции.

В дело вступает специальный отдел города N-ск — Отдел охоты на Вия. В руках оперативников — уникальный прибор «Холмс», который голосом Василия Ливанова считывает любую человеческую патологию.

Острый социальный триллер о том, как остаться живым человеком и защитить детей в мире, где монстры носят обычные лица.

В основе этой книги лежит личный опыт автора, но её цель — ни в коем случае не задеть людей с реальными психологическими особенностями или диагнозами.

L4D4O
Охота на Вия

Охота на Вия

Пролог

Октябрь.

Окраина города N-ск.

Около десяти часов вечера. Старый частный сектор, где асфальт уступает место разбитой, размытой ливнем грунтовке. Фонари горят через раз, отбрасывая длинные, колеблющиеся тени на полусгнившие деревянные заборы. Дождь только что прекратился, оставив в воздухе тяжёлый запах сырой земли, прелой листвы и застоявшейся воды.

Алсу идёт быстро, её шаги звучат глухо. На ней лёгкая осенняя куртка, воротник поднят. Капли воды срываются с веток старых тополей, шлёпая по капюшону. Из темноты шагающей впереди подворотни отделяется фигура мужчины. Он движется наперерез, заставляя её замедлить ход.

— Как зовут тебя, красавица? — спрашивает незнакомец, навязывая своё присутствие.

— Меня зовут Никак. И я для тебя Никто.

— Зачем же ты так, я ведь с чистыми намерениями.

— Намерения не бывают чистыми, — Алсу цедит слова

сквозь зубы, не сбавляя шага. — Мысли всё время крутятся между тем, как бы вкусно поесть, и тем, кого бы посимпатичнее трахнуть.

— Но есть ещё и третий аспект.

— Есть, если ты маньяк.

— А что, похож?

— Похож.

Незнакомец резко ускоряет шаг, пытаясь перерезать ей дорогу. Алсу внезапно останавливается — его тело по инерции уходит вперёд. В то же мгновение она разворачивается и наносит незнакомцу точный удар ногой в пах, затем проводит жёсткую серию ударов в лицо и в шею. Мужчина валится в грязь. Алсу срывается с места и бежит со всех ног в спасительную темноту октябрьского межсезонья...

Глава 1

Октябрь. Город N-ск.

17:00.

Здание Управления. Серые, выкрашенные масляной краской стены лестничных пролётов. Пахнет хлоркой, старыми бумагами и дешёвым растворимым кофе — застойная атмосфера ведомства, застрявшего вне времени.

Позвонил Гриша из особого отдела:

— Тебя срочно наверх требуют.

Я пробежался со второго на пятый этаж — терпеть не мо-

гу лифты, в них всегда чувствуешь себя запертым в ловушке чужой деструкции. Дверь из тёмного шпона с массивной латунной ручкой. Постучал в кабинет шефа, зашёл:

— Можно?

— Да, можно, Рим. Заходи.

Шеф тяжело вздохнул, глядя в окно на серую изморозь.

— На улице Весенней... Чувствуешь, название какое? А там нашли трупы девушек. Пока обнаружено пять... думаем, будет больше. Бывший хозяин участка — мужчина лет сорока — был избит девять лет назад, от полученных ран скончался. На месте сейчас работает бригада криминалистов. Я прошу тебя заняться этим плотно. Пока в СМИ никакой шумихи нет, мы должны быть во всеоружии, понимаешь?

— Так точно, разрешите идти.

— Лети.

— Понял.

Я вышел, аккуратно прикрывая за собой тяжёлую дверь. Внутри всё мгновенно поджалось и подобралось от предвкушения сложной, настоящей работы. Этот вызов пришёл ровно в тот момент, когда дома все сильнее закручивалась своя, пока ещё скрытая от посторонних глаз ментальная буря. Спускаясь вниз по лестнице, я уже на ходу вытаскивал из кармана рабочий планшет.

Салон служебной машины встретил меня знакомым, до боли родным запахом дешёвого освежителя «Новая машина», смешанным со слегка прогретой пылью. Я завёл мотор,

включил интенсивный обогрев стёкол и, пока двигатель монотонно набирал обороты, начал вбивать первые запросы в базу данных. Экран планшета холодно высветил лицо.

На экране всплыло личное дело. Сергеев Валентин Юрьевич. Лицо на фото было самым заурядным, из тех, что мгновенно стираются из памяти: очки в тонкой металлической оправе, жидкие, зачёсанные русые волосы, безликий серый пиджак. Обычный человек, одинокий, тихий, никогда нигде не был замечен. Обычный инженер. Был избит. Девять лет назад от полученных ран скончался в больнице, так и не придя в сознание.

Но мой взгляд намертво цеплялся за сухое приложение к судмедэкспертизе. Лицо Сергеева после того нападения представляло собой сплошное кровавое месиво. А в глубине рваной царапины на его щеке эксперты тогда обнаружили крошечный обломок ногтя со следами лака. По размеру — женский. Генетический профиль был выделен чисто, но девять лет сиротливо пролежал в «мёртвой» архивной базе без единого совпадения.

Мои пальцы быстро вбили новые протоколы поиска, подключив мощности «Холмса» — нашей новейшей поисково-аналитической ИИ-системы ООнВ, которую я настроил под свои личные аналитические предпочтения.

Машина плавно тронулась с места, мягко вклиниваясь в плотный вечерний поток. Дворники монотонно, со скрипом размазывали мелкую, липкую изморозь по лобовому стеклу,

а за окном проплывали серые кварталы.

Окраина города. Дачный кооператив на Весенней, наглухо зажатый между унылой промзоной и стеной старого тёмного леса. На въезде в темноте уже агрессивно мигали сине-красные маячки патрульных машин, выхватывая из мрака силуэты голых деревьев. Я припарковал автомобиль на раскисшей обочине, с трудом натянул бахилы и вышел в пронизывающую сырость октябрьского вечера. Кожа лица сразу почувствовала ледяной укол ветра. Ко мне тут же направился оперативник Вася, на ходу зябко застёгивая капюшон шуршащего дождевика.

У забора, прямо рядом со свежевырытой траншеей под новый фундамент, сиротливо стояли нынешние хозяева участка. Никодимов Пётр Иванович — пожилой мужчина в изгвазданной грязью штормовке и тяжёлых резиновых сапогах. Его натруженные руки мелко, неостановимо дрожали от пережитого шока.

— Семь лет назад мы приобрели участок и долго думали, что с ним делать, пока наконец не возникло желание построить здесь небольшой домик дачный, — тихо говорил Никодимов, кутаясь от ветра. — Домик снесли, в итоге, старый. Когда начали работать с ландшафтом — обнаружили. Вот это... Всё. Сразу позвонили в полицию.

Никодимов указал дрожащей рукой в глубину тёмного двора. Там, под натянутым брезентовым тентом, в резком жёлтом свете мощных прожекторов криминалисты аккурат-

но, ювелирными кисточками счищали влажную землю с полуистлевших костей. Я подошёл ближе и молча посмотрел на черепа, ровным, жутким рядком лежащие на белой пластиковой подложке. Пять штук. Жёлтые, пустые глазницы отражали свет ламп.

В кармане куртки резко, требовательно зажужжал телефон. Я достал аппарат, активировал экран. На дисплее вспыхнуло имя: «Алсу». И фотография —девушка с тонкими, почти прозрачными чертами лица, тёмные волосы, прямой, глубокий, чуть испуганный взгляд. «Холмс» выдал стопроцентное совпадение её ДНК с тем самым обломком ногтя, оставленным на лице Сергеева девять лет назад. Круг замкнулся прямо здесь, на раскопанном могильнике. Сердце внутри коротко стукнуло.

Я глубоко вздохнул, пряча лицо в облаке пара, летящего изо рта.

— Извините.

Я отошёл от Никодимова ближе к покосившемуся забору, в темноту, прижал трубку к уху и нажал кнопку вызова. Внутренний охотник внутри меня уже взял след.

— Мне необходимо с вами встретиться в самое ближайшее время.

Мой голос прозвучал мягко, но в нём отчётливо пробился тот самый металл, который не терпит возражений. На том конце провода возникло секундное, вязкое замешательство, а затем раздался тихий, покорный ответ:

— Хорошо.

Я сел обратно в тёплую машину, захлопнул дверь, отсекая сырость, и включил внутренний интерфейс связи.

— Активирую Холмса.

Из динамиков автомобильной системы раздался знакомый голос Василия Ливанова:

— Дорогой мой доктор Ватсон, как дела?

— Слушай, Холмс, времени нет на прелюдии, объект уже движется ко мне. Просканируй её, пожалуйста, вдоль и поперёк по полной программе.

— Я вас понял, Ватсон. Всё сделаем по высшему разряду.

Маленькое, полупустое кафе на углу тихой улицы. В зале царил мягкий, сонный полумрак. У самого окна, вжимаясь в угол дивана, сидела Алсу. Перед ней стоял высокий стакан с ярким коктейлем, но она к нему почти не прикасалась — напиток уже расслоился. Её лицо было пугающе бледным, по щекам были размазаны слезы, а тонкие пальцы судорожно, до белизны суставов сжимали влажную салфетку. Она то и дело механически тянула напиток через пластиковую трубочку, просто чтобы хоть как-то занять дрожащие руки.

Я сидел напротив, внимательно наблюдая за её мимикой. Сделал глоток крепкого, обжигающе горького кофе, не торопясь достал сигарету и щёлкнул зажигалкой. Запах резкого табачного дыма мгновенно разнёсся по маленькому залу. От барной стойки тут же отделился крупный охранник в чёрной форме, направляясь к нашему столику с тяжёлым, недоволь-

ным видом.

— Курить нельзя.

Я, даже не глядя на него, левой рукой спокойно достал из внутреннего кармана куртки тяжёлую кожаную корочку со специальным блестящим жетоном ООнВ и раскрыл её прямо перед лицом охранника:

— Сегодня можно.

Охранник замер на полушаге, всмотрелся в глубокие тиснёные знаки Особого ведомства, заметно побледнел и молча, пятясь, отошёл обратно к входным дверям.

На экране планшета, лежащего у меня на коленях под столом, тускло вспыхнуло зелёное диалоговое окно. Голос «Холмса» в моём скрытом наушнике выдал сухой, математический вердикт: «Совпадение профиля деструктивности и биоматериала — 91%». Вот она, пограничная зона патологии.

Я аккуратно потушил сигарету в стеклянной пепельнице, подался корпусом вперёд и посмотрел Алсу прямо в глаза, фиксируя её зрачки.

— Ну что, Алсу, будем делать с вами? Это называется чистосердечное признание. У меня к вам один-единственный вопрос, который, по сути дела, и определит вашу дальнейшую судьбу. Как вы поняли тогда, девять лет назад, что он маньяк?

— Я не знаю, — Алсу судорожно всхлипнула, окончательно пряча лицо в ладонях. Её плечи мелко, беззащитно дро-

жали. Пластиковая трубочка в её стакане звякнула о стекло. — Жопой почувствовала.

— Отдел, в котором я работаю, называется «Отдел Охоты на Вия». Наша задача — выявление таких личностей и их дальнейшая изоляция. У вас сейчас два пути. Я вам предлагаю влиться в наши ряды. Понимаете, если вы откажетесь — заработает совершенно другой механизм, другие ведомства. Я вас не пугаю, просто скажу, что будет сложно вам. Решение за вами.

Алсу медленно подняла голову, размазывая слезы тыльной стороной ладони. В её покрасневших глазах первобытный страх сейчас странно перемешивался с глухим, чисто женским упрямством.

— Понимаете, у меня своя жизнь, я не хотела её менять. Но если вы настаиваете...

— Никто не просит вас менять свою жизнь, выражаясь таким языком простым, обывательским. Просто будете внештатным сотрудником нашим. Где-то вы будете получать задания, где-то будете самостоятельно двигаться, естественно, это будет не бесплатно.

— У меня ведь нет выбора, я должна согласиться?

— Конечно.

— А что вы потом с этими людьми делаете? — в её тихом голосе прорезался лёгкий, отчётливый ужас. Она пристально всматривалась в моё лицо, словно искала в нём ту самую человеческую эмпатию, которой так не хватает этому цинич-

ному миру.

— То же, что и вы. Шучу. Я не знаю, что с ними делают. Вернее, знаю, но пока вам не скажу.

— С ними проводят какие-то опыты?

— Да кому нахер нужны такие опыты? Я думаю, дело заканчивается лоботомией или чем-то в этом роде.

Алсу замерла, задумчиво уставившись на пластиковую трубочку в стакане, словно переваривая мои слова, а затем тихо, почти шёпотом произнесла:

— Я сейчас встречаюсь с молодым человеком... и мне кажется, с его матерью что-то не в порядке. Там тяжёлая деструкция. Она буквально выжигает вокруг него всё живое, там настоящее безжизненное пространство.

Я зафиксировал эту клиническую информацию в уме. Похоже, «Вий» раскинул свои сети гораздо ближе, чем казалось.

— Давайте так: встретимся отдельно, поговорить насчёт матери. Если она наш клиент — это будет здорово, считайте, первое ваше официальное задание.

— А можно мне с вами поехать на участок к этому упырю? — Алсу упрямо взглянула на меня. — Хочу увидеть место, где всё закончилось.

— Можно, поехали.

Ночь. Тот же дачный участок на Весенней, но криминалисты уже полностью свернули своё оборудование, оставив после себя лишь натянутую серую ленту ограждения, ле-

ниво колыхавшуюся на ветру. Холодная луна изредка пробивалась сквозь рваные, быстрые тучи, заливая мертвенно-белым, призрачным светом раскопанную, влажную землю траншеи.

Алсу долго, как тень, бродила по самому краю разрытой ямы. Она плотно куталась в куртку, её шаги по раскисшей глине были неровными, спотыкающимися. Она неотрывно смотрела под ноги, судорожно вглядывалась в густую темноту углов двора, явно пытаясь хоть за что-то зацепиться своей памятью — за этот старый забор, за искривлённые контуры деревьев, которые были здесь долгих девять лет назад, когда её рука потянулась к лицу насильника. Я стоял чуть поодаль, глубоко засунув руки в карманы куртки и наблюдая за её силуэтом. Судя по её бледному, совершенно растерянному лицу, я отчётливо видел, что она жутко напугана и полностью дезориентирована.

«Ещё бы, — подумал я тогда, глядя на её хрупкую, тонкую фигуру на фоне чёрного леса. — Я круто, беспощадно изменил её жизнь всего за один этот вечер, и теперь черт знает, чем это ей и мне оборачивается».

Вдруг Алсу как-то странно покачнулась и неестественно начала оседать вниз. Я среагировал мгновенно, рванулся вперёд и успел подхватить её под руки в самый последний момент, до того, как она рухнула бы лицом в грязную землю. Обморок. Чистая соматическая реакция на столкновение с прошлым.

Я аккуратно уложил её на подвернувшуюся сухую строительную доску, быстро достал из походной аптечки ампулу с нашатырём, с хрустом раздавил её пальцами и поднёс к её носу.

Девушка судорожно, со свистом вздохнула, резко открыла глаза и мгновенно села, мёртвой хваткой хватая меня за рукав куртки. Её пальцы были ледяными, как у трупа, а взгляд — абсолютно безумным, сфокусированным на пустоте.

— Я видела только что его здесь... Он стоял там, у забора, и смотрел на меня. Сергеев.

Я медленно, чувствуя, как на затылке зашевелились волосы, повернул голову в сторону указанного ею тёмного угла. Но там никого не было — только голые ветви старой яблони тихо качались от порывов ночного ветра, бросая резкие тени на раскопанные могилы.

В этот момент прибор «Холмс» на моей ладони изрёк глухое, сытое урчание:

— Вот это уже интересно, доктор Ватсон. Он его запеленговал в архивном эфире и взял интервью. Сквозной протокол сработал на остаточные эманации деструкции.

— Послушаем, что он нам интересного расскажет, — глухо ответил я, помогая Алсу подняться. — Пора узнать, кто скрывался за маской обычного инженера.

Мы быстро сели в машину, с глухим стуком захлопнулись тяжёлые двери, отсекая ночные звуки и этот пронизывающий могильный холод. Я завёл двигатель, колеса с натуж-

ным гулом выгребли из липкой дачной грязи на ровный асфальт шоссе. В салоне постепенно становилось тепло, зашумела печка. Алсу неподвижно сидела на пассажирском сиденье, тупо уставившись в одну светящуюся точку на приборной панели.

Я протянул руку и включил кнопку «Пуск».

Глава 2

ХОЛМС: Гражданин Сергеев, ответьте следствию прямо: вам страшно? Вы сейчас чего-нибудь боитесь?

СЕРГЕЕВ: Я бы на этот вопрос ответил таким образом: у меня нет механизма, который бы считывал страх. Нету мозга. Я всего лишь фантом или призрак. А вот жутко. Действительно жутко. Жуть. Я назову вот слово, которое правильно. Я как транслятор. Я чувствую: вот она, волна идёт, волна страха, волна жути. Волна вселенского ужаса. Ну, у человека есть механизм компенсации: первое — это его тело, которое может дрожать. Второе, повторюсь, — это его мозг, который будет рефлексировать или искать где-то защиту, или просто убегать от проблем, в данном случае от страха, от жути. А поскольку у меня ничего этого нет... То есть оно есть, но оно бутафорское. Приходится всё это терпеть без каких-либо компенсаций. И вот этот ужас, он передо мной стоит, перед моими глазами. Казалось бы, я умер. И уже никакие чувства не главенствуют надо мной. Чувства, да. Но есть такая шту-

ка, как знание. Знание не в понимании экзистенциальном, а знание того, что человек узнал про себя. А что я узнал про себя? Что при упоминании моей фамилии и имени люди испытывают ужасный, дикий страх. И от этого становится жутко. И задаёшь сам себе вопрос: «Это я?» Я ведь хотел просто любви. Да, извращённой любви. Да, не понятой никем. Да, вот так получилось, что пришлось убить эти жертвы, закопать. Скрыть следы преступления, да. Но я искал любви... Ужас. И после себя оставил страх. И от этого теперь уже мне страшно. Хоть меня и нет в живых, хоть у меня нет органов чувств. И казалось, чего бояться-то? А всё равно страшно. И выхода никакого нет. Ну, скажем так, год потерпеть, два-три, десять, двадцать лет. Нет. Это будет всегда. Можно привыкнуть? Ну, к этому не привыкнешь. Почему не привыкнешь? Потому что человек всегда жаждет любви. И всегда страдает, когда её нет.

ХОЛМС: Гражданин Сергеев, вы утверждаете, что после биологической смерти испытываете непрерывное чувство жути из-за того, что оставили после себя только страх, хотя искали исключительно любви. Перейдём к вашей структуре восприятия. Нам требуются точные параметры для ИИ-анализа. Ответьте протокольно: женщины пахнут одинаково?

СЕРГЕЕВ: Да... И это незабываемый запах. Но этот запах, он действует на тебя возбуждающе, только пока твоя жертва жива. Но как только приходит смерть, этот запах становит-

ся самым противным в твоей жизни. Парадокс, да? То, ради чего ты совершал этот свой акт, для того, чтобы почувствовать этот запах, насладиться им — всего лишь около полутора минут, пока жертва в агонии, а потом всё. Как только наступает смерть, хочется быстрее сбежать от него, настолько он становится неуместным.

ХОЛМС: Гражданин Сергеев, вы детально описали трансформацию запаха живого тела в биологический тлен в момент наступления смерти, назвав это полутораминутным актом достижения цели. Рассматривая этот механизм тотального контроля над чужой автономией, следствию необходимо зафиксировать границы вашего эгоцентризма. Ответьте на вопрос: если бы над вашей собственной дочерью надругались, что бы вы сделали?

СЕРГЕЕВ: Что бы я сделал? Да ничего бы я не сделал. Потому что в обществе всё сделано для того, чтобы маньяк орудовал, но не сделано, чтобы можно было защитить своих близких. Спасать ли что-то... Таких, как я, мало. Единицы. Если бы было больше, был бы тихий ужас.

ХОЛМС: Гражданин Сергеев, вы констатируете бессилие социальных институтов перед действиями лиц с аналогичными патологиями и заявляете, что не предприняли бы никаких действий для защиты. Рассматривая этот биологический и ментальный тупик, ответьте на следующий вопрос: вы чувствуете себя человеком, или зверем, или кем-то ещё?

СЕРГЕЕВ: Я не человек, это точно. Сейчас-то тем более

чёрт-те что, я туман, фантом, кто угодно. А кем я раньше был? Обычным зверем был. Уж точно не человек.

ХОЛМС: Гражданин Сергеев, вы классифицируете своё прошлое состояние как животное, а текущее — как полную потерю человеческой идентичности. Рассматривая этот итог, ответьте на следующий вопрос: из исторических личностей вы себя бы с кем сравнили? На кого вы похожи, или кто похож на вас?

СЕРГЕЕВ: Александр Македонский ближе всего. Я и есть он.

ХОЛМС: Гражданин Сергеев, вы проецируете свои действия на масштаб Александра Македонского, заявляя о полном тождестве с данной исторической фигурой. Обратимся к хронологическому итогу вашего существования. Ответьте следствию: зачем вы жили? Каков итог вашей жизни, и была ли она интересной?

СЕРГЕЕВ: Зачем я жил? Завоевать полмира. Вот я и завоевал полмира. Почему не весь мир? Глупостей много было в жизни. Сейчас бы я точно поставил перед собой цель завоевать весь мир и завоевал бы.

ХОЛМС: Гражданин Сергеев, вы фиксируете итог своей жизни как незавершённое завоевание и заявляете о готовности расширить масштаб деструкции до глобального уровня. Перейдём к финальному вопросу протокола. Ответьте следствию: если бы вам дали второй шанс, как бы вы хотели прожить жизнь?

СЕРГЕЕВ: Я стал бы великим воином в составе какого-нибудь ЧВК.

Я нажал кнопку «Stop».

Внезапно гул мотора взорвала резкая, оглушительно громкая мелодия входящего звонка. На большом экране мультимедийной системы ярко загорелся контакт: «Любимая». Я тяжело вздохнул, чувствуя, как внутри всё сжимается от предчувствия неизбежного, и нехотя нажал кнопку громкой связи. Эта семейная лавина зрела давно, и сейчас она вырывалась наружу с той же неумолимой стремительностью, что и патология Сергеева.

Из динамиков автомобиля тут же обрушился взвинченный, звенящий от неподдельной злости женский голос:

— Алёхин! Долго тебя ждать ещё? Время одиннадцатый час! Дети спрашивают: «Где папа?» Мне так это всё надоело! Твоя работа, твои закидоны, твой... твой инфантилизм! Так это всё достало! Ты не представляешь, я давала шанс, и не один! Ты ни один этот шанс не использовал и не заслуживаешь! Да что ты мне там говоришь? Какая нахрен может быть работа в одиннадцать вечера?! Ночь на дворе! Да мне плевать! Я устала, понимаешь? Я чувствую себя одинокой, разбитой женщиной, которая просто просрала свою жизнь! Ты просил меня: «Дай мне детей». На тебе детей, на! И где папа? Папы нет! Почему я одна должна всё это на себе тащить?! Меня это так всё достало, просто не представляешь... Так мне хочется придушить тебя, Алёхин!

В динамиках раздались короткие, обрывистые, злые гудки. Она швырнула трубку.

В салоне машины мгновенно повисла тяжёлая, звенящая, почти осязаемая тишина. Я молча смотрел на пустую ночную дорогу перед собой, ещё крепче, до побеления пальцев, сжимая кожаный руль. На моём лице не отразилась ни одна эмоция — многолетняя привычка, — и только желваки тяжело ходили на скулах.

— О, круто у вас... — тихо произнесла Алсу, так и не поворачивая головы в мою сторону.

— Надеюсь, с вашим молодым человеком не так всё остро, как у меня.

— Абсолютно не так. Там вообще всё... безжизненное пространство.

Я коротко, неопределённо хмыкнул. Алсу вдруг издала тихий, нервный смешок. Через секунду мы оба тихо, как-то совсем устало рассмеялись в темноте салона, разом сбрасывая с себя дикое напряжение этого безумного, переломившего наши жизни дня.

Глава 3

Служебная машина на большой скорости летела по пустому ночному шоссе, глубоко разрезая фарами подступающую со всех сторон плотную тьму.

Тишину, в которой мы с Алсу только что устало и

горько смеялись, внезапно разрушил резкий, настойчивый вибросигнал. В кармане её куртки зажужжал телефон. Алсу вздрогнула, словно её ударило током, быстро вытащила трубку и прижала к уху.

— Алло...

Из динамика, даже сквозь плотный пластик корпуса, донёсся надрывный, срывающийся на беззвучный плач мужской голос. Звонил её молодой человек. Парень дышал тяжело, панически, слова путались от невыносимого «двойного зажима» матери:

— Слушай... с мамой совсем плохо. Она опять устроила... я больше не могу, Алсу, она...

Я мельком взглянул на Алсу — её лицо, и без того бледное после обморока на могильнике Сергеева, стало землисто-серым. Патология, о которой она предупреждала в кафе, разворачивалась в прямом эфире. Она беспомощно посмотрела на меня. Я не колеблясь протянул руку, забрал у неё телефон и бросил его на приборную панель, прямо под сканирующий датчик ИИ.

— Холмс, перехвати сигнал, — коротко скомандовал я. — Подключись к линии парня через сквозной протокол. Выведи аудио на громкую связь и активируй анализатор деструктивности. Посмотрим на эту шизофреногенную структуру.

Экран мультимедиа мгновенно мигнул, окрасившись в глубокий синий цвет. Интерфейс системы ООнВ бесшумно вклинился в сотовую сеть, стабилизировал хрипящий аудио-

поток и мягко, через внутренний коммутатор, перенаправил вызов.

— Перехват выполнен, доктор Ватсон, — отозвался в динамиках безупречный голос Василия Ливанова. — Сигнал верифицирован. Объект Сания Митхатовна находится на прямой линии с сыном. Подключаю голосовой интерфейс.

— Холмс, попроси парня передать трубку матери, — приказал я, крепче сжимая руль и перестраивая машину в крайний правый ряд, чтобы снизить скорость. — Я сам проинтервьюирую эту пожилую женщину.

В динамиках раздался тихий электронный щелчок, а затем — короткая, жёсткая директива «Холмса», переданная парню. На том конце провода послышалась какая-то возня, испуганный шёпот, тяжёлые шаги, и наконец в салоне автомобиля раздалось прерывистое, злое дыхание. Тот самый бред контроля, который ломает хрупких пограничников.

Я нажал кнопку внутренней записи, подался ближе к микрофону на рулевой колонке:

РИМ АЛЁХИН: Сания Митхатовна, добрый день. Меня зовут детектив Рим Алёхин. Наш отдел занимается вопросами социальной безопасности. Скажите, пожалуйста, как вы сами можете описать ваши текущие отношения с сыном? Нам известно, что вы общаетесь очень плотно, буквально каждый час.

САНИЯ МИТХАТОВНА: Да какие, блядь, ой, извините, отношения с сыном. Вы видите, что он творит? Как мать до-

вёл до белого каления, что теперь мать допрашивают в следственном изоляторе, хотят посадить как какую-то душегубку! А я ведь пирожки ему пекла, когда в голодные времена жрать было нечего, я ведь котлеты все ему отдавала, сама ведь не ела. Только сыночек вырос. И вот он вымахал какой, метр девяносто, и даже как-то толкнул меня. А я ему сказала: «Ты же меня... зачем же ты меня избиваешь?» А он сказал: «Я не специально», а сам ухмыляется: «Рожу-то какую отъел». Я сколько говорила: зачем ты с этой девчонкой связался? Зачем? Ведь она откуда взялась вообще? С улицы пришла и хочет нашу квартиру оттяпать. Я говорю: «Давай теперь мы сделаем раздел имущества, мы заберём своё, мы ничего ей не оставим». А он чего говорит? А он говорит: «Мам, не лезь не в своё дело». Как не лезть не в своё дело? Мне что теперь, оставить всё как есть, чтобы потом он скитался по подвалам, жил где-нибудь среди бомжей Курского вокзала? Этого хотите? А вы случайно откуда? Вы из каких органов? Вы из полиции или из налоговой? Вы к чему интересуетесь вообще? Куда меня позвали в итоге? Ну-ка, сейчас всё отвечайте мне начистоту. Видишь, чего устроили? Допрос мне тут устроили посреди бела дня!

РИМ АЛЁХИН: Сания Митхатовна, мы находимся в аналитическом центре ООнВ, это не полиция и не налоговая. Успокойтесь, вас никто не собирается сажать. Давайте вернёмся к вашим словам. Вы упомянули, что сын «избивает» вас и «ухмыляется», но при этом тут же добавили, что он

толкнул вас «не специально» в ответ на ваши упрёки. Расскажите подробнее, при каких конкретно обстоятельствах произошёл этот физический контакт? Что именно вы делали или говорили сыну непосредственно перед тем, как он вас толкнул?

САНИЯ МИТХАТОВНА: Что вы всё допытываете бедную женщину? Вы лучше бы сына допытали! Что он говорит? Вот в какой момент, да как, да зачем, да почему... Он просто избивает и просто ухмыляется. Я не успела глаз открыть, а он уже меня избивает. Своим присутствием избивает! Я ему говорю: что ты тут делаешь? Иди устройся на работу. А ты всё валяешься целыми днями, всё в свой ноутбук упёрся. Ведь я вспоминаю, когда он был маленький, ведь рос без отца. Отец ведь, сволочь такая, оставил его, когда ему было два месяца. И вот я его двухмесячного беру с собой, а я работала тогда на холодном складе. Ведь было очень тяжело в те времена. А там мне сказали, что выдают ножки Буша. Ну, это, знаете, ножки куриные такие. И я его двухмесячного с собой в эту очередь беру. И мы стоим, а он обмочился, а тогда не было подгузников. Я мокрая встаю, и запах на всю очередь. И мне делают замечание: «Женщина, уйдите отсюда, от вас воняет». А я говорю: «Сама ты воняешь, сволочь». И мне продавщица — добрая оказалась — допродала эти куриные ножки. Я приехала домой, их так пожарила, так вкусно поела! А вы говорите — избивает, ухмыляется!

РИМ АЛЁХИН: Сания Митхатовна, вы сейчас произнес-

ли очень важную фразу: «Он меня просто избивает. Своим присутствием избивает». Выходит, физического насилия с его стороны не было, а его «винящее» вас присутствие — это то, что он просто пытается жить своей жизнью и общаться с девушкой? Вы упомянули, что Алсу «хочет оттяпать вашу квартиру». Скажите, откуда у вас эта уверенность, если они с вашим сыном даже ни дня не жили вместе и вопрос о совместном имуществе физически не мог возникнуть? Почему вы решили начать раздел имущества именно сейчас, инициировав эти суды руками сына?

САНИЯ МИТХАТОВНА: Конечно! Вы посмотрите ей в глаза, этой Алсу. Бесстыдница, ходит... как она одевается! Ведь и ноги видны, и всё видно, всё тело видно, как не стыдно! Я раньше в молодости была тоже красавица, но так никогда не одевалась. Сразу видно, что хочет всё оттяпать у нас, что претендует сразу на квартиру. А я сказала ему, сыну: «Ни в коем случае её не прописывай, кто она такая, откуда взялась?» Какая-то аферистка. И ходит, ходит прямо полуголая. Я сказала ей: «А на вот, надень мой халат хотя бы. Чтоб я не видела, как ты тут ходишь, трясёшь своими достоинствами». Как не стыдно? Вообще, что за молодёжь пошла? Раньше мы такими не были. Раньше мы прислушивались ко взрослым, соответствовали какой-то эстетике и одевались соответствующе. Платье шили сами. Я вот, смотри, вот на руки на мои посмотри, все исколоты иголками. Почему? Потому что всё сама шила, а её заставь что-нибудь сшить! Разве она будет

шить? Нет. Уже утро наступило, время восемь часов утра, птицы проснулись, поют, а она всё валяется. Да ещё, знаете, по секрету скажу вам: курит она. Да-да, курит, стоит на балконе и курит. Вот такая молодёжь пошла!

РИМ АЛЁХИН: Сания Митхатовна, вы сейчас очень подробно описали Алсу, её халат, балкон и то, как она «валяется в восемь утра». Но ведь мы точно знаем по выпискам из геолокации и протоколам, что Алсу ни разу в жизни не переступала порог вашей квартиры, вы никогда не общались лично, а ваш сын видится с ней исключительно на нейтральной территории. Получается, всю эту картину с халатом, курением и пропиской вы просто полностью придумали? Зачем вам нужно было внушать сыну эту вымышленную историю, заставляя его верить, что его девушка живёт в вашем доме и пытается забрать имущество?

САНИЯ МИТХАТОВНА: Ну что значит не была? Прямо так заявляете, прямо и не была, и ни разу? Не поверю. Знаете, не поверю! Кто вам сказал, что она не была? Вот как раз и была. Ну вы сами подумайте, вот где ваша логика? Вы вот взрослый человек, вроде как бы следователь. Вот есть парень. Видный парень, красивый, ведь я его откормила двухметрового. И вот он связался с девушкой, и девушка как на него смотрит? «Надо оттяпать у него квартиру». И она, по-вашему, не была? Да я не поверю ни за что! Ни за что не поверю. Была тайно! Когда меня не было или кого-то там не было, но была. Я когда заходила в свою квартиру, я сразу

носом почувствовала: что-то тут не то, кто-то был. Думаю, наверное, она точно была!

РИМ АЛЁХИН: Сания Митхатовна, то есть вы согласны, что у вас нет никаких материальных доказательств, кроме вашего предчувствия и запаха? Но при этом вы уже заставили сына подать в суд на раздел имущества и атаковать Алсу бесконечными агрессивными сообщениями. Вы понимаете, что своими выдумками про тайные визиты и аферистов вы прямо сейчас разрушаете психику собственного сына, превращая его жизнь в то самое безжизненное пространство? Зачем вы лишаете его права на собственную, отдельную от вас жизнь?

САНИЯ МИТХАТОВНА: Как вы сказали — психику? Да какая там психика? Вы посмотрите на него. Какая у него может быть психика? Вот и я говорю — никакой! Он всё жил за маменькин счёт все эти годы. Только маменька его любимая. Вот я своими ручками его воспитала, воспитала одна, без мужика, чтобы он вот вырос вот таким вот двухметровым, чтобы ходил, чтоб не стыдно было перед людьми, чтоб не говорили: «Вот, не кормила и хилая его». И вот у него какая-то там психика. Какая психика ещё может быть? Вырастила здорового парня. Вот и скажите спасибо, а вы меня какой-то психикой попрекаете!

РИМ АЛЁХИН: Сания Митхатовна, вы сейчас подтвердили главное: для вас его внутренний мир, его личные желания и ментальное здоровье — это пустое место. Вы видите в нём

лишь биологический объект, который вы вырастили своими ручками и который обязан принадлежать вам до конца ваших дней. Но мы зафиксировали, что ваши бесконечные манипуляции и вымышленные обвинения довели парня до депрессивного состояния, когда он уже не способен нормально функционировать. Скажите, если общество предложит вам единственный логичный выход — отправить вашего сына на реабилитацию, а вас изолировать в специальном учреждении, где вы больше не сможете отравлять чужие жизни, как вы на это отреагируете? Вы готовы отпустить его, чтобы он наконец-то просто начал дышать?

САНИЯ МИТХАТОВНА: Я вам, блядь, отправлю! Я вам такое устрою, что мало не покажется! И не то чтобы ваш отдел... Всю вашу шайку разоблачу мигом! У меня много есть знакомых. Я много людям добра делала, и меня послушают, и меня выслушают. А вам туго придётся. И главное, вы будете стыдиться того, что вы сделали. Бедную несчастную женщину изолировали, а сына моего на какую-то реабилитацию отправили! Вам самим не стыдно? Вы молодой человек, у вас есть тоже мать. Вы свою мать почему-то не отправляете, не изолируете, а почему-то набросились на меня, на несчастную женщину, которая вам ничего не сделала плохого, а только лишь хорошее! Я своим примером поделилась с вами, научила вас жизни, а вы так ничего и не поняли. Нате, изолируйте меня! Хотите, меня всю обмотайте изолентой, чтобы я была полностью изолирована от всего, еды мне не давайте

никакой, морите меня голодом! Пусть все увидят, как мне тяжело, вместо того чтобы пожалеть меня. Вы же меня сделали виноватой. А может быть, не просто так? Может быть, милый человек и сам влюбился в эту Алсу, а теперь против меня козни какие-то строишь, а? Ну-ка, скажи-ка мне правду, сынок!

РИМ АЛЁХИН: Сания Митхатовна, вы сейчас наговорили ровно на ту статью, по которой наш отдел закрывает дела без права обжалования. «Сынок» у вас остался дома, сломанный и запуганный вашим «добром». А здесь — Особый протокол. Алсу, вызывай группу сопровождения. Наш клиент готов к полной, глубокой изоляции от общества.

Я швырнул телефон на сиденье. Наша штурмовая группа ООнВ уже выехала по адресу Сании. Но внутри меня тикал точно такой же счётчик безумия. Звонок жены пару минут назад был не просто истерикой — это был первый подземный толчок землетрясения, которое прямо сейчас уничтожало мой собственный дом. И эта лавина сорвалась.

Глава 4

Я открыл ключом замок, толкнул тяжёлую дверь и переступил порог своей квартиры, но прихожая встретила меня такой глухой, неестественной тишиной, что я мгновенно замер. Все события этого безумного дня летели лавиной, не давая вздохнуть. Наклонился, чтобы развязать шнурки на бо-

тинках, и краем глаза уловил зловещую тень справа. Я медленно поднял голову. Моя четырёхлетняя дочь Стеша стояла, намертво прижавшись спиной к оклеенной старыми обоями стене, и смотрела на меня огромными, немигающими глазами.

— Стеша, ты почему не спишь? — спросил я, чувствуя, как внутри начинает нарастать холодная, удушливая тревога.

— Мы с мамой играем в прятки, — тихо, почти беззвучно прошептала она. — Я здесь стою, а она меня не ищет...

Я подошёл к ней, подхватил на руки, крепко прижал к себе и поцеловал в лоб. Кожу обжёг её ледяной пот. И в этот же миг я глубоко вдохнул воздух — квартира была насквозь прокурена едким, удушливым табачным дымом. Справа, в полумраке кухни, сидела моя жена. Она сидела спиной ко мне, неподвижно, уставившись в тёмное окно, а в её правой руке была зажата наполовину пустая бутылка виски. Заметив меня, она произнесла фальшивым, искусственно-пьяным голосом:

— Любимый, ты пришёл с работы...

— А где Том? — резко перебил её я.

Стеша, не говоря ни слова, просто указала маленьким пальчиком вниз, в сторону дивана. Я осторожно поставил дочь на ноги, подошёл к дивану и наклонился. Меня мгновенно прошиб липкий, горячий пот: мой шестилетний сын лежал на полу под диваном, забившись в самый дальний угол. Он спал. Слава Богу, живой.

Я выпрямился, засунул руку в карман куртки и с силой вжал тревожную кнопку экстренной связи ООнВ. Экран планшета мгновенно мигнул, выдав текстовое подтверждение: «Запрос принят. Штурмовая группа спецназа будет на месте через 2 минуты». Не теряя ни секунды, я набрал номер Людмилы — сорокалетней соседки, которая жила с нами на одной лестничной площадке, и быстро набил короткое сообщение: «Срочно выходи на площадку. Нужна помощь».

Я снова подхватил Стешу на руки, второй рукой вытащил из-под дивана заспанного, испуганного Тома и быстро вынес обоих детей из прокуренной душной квартиры. Передал их в руки уже вышедшей на площадку Людмиле.

— Жди здесь, никуда не уходи, — коротко приказал я ей. — Всё решится в течение двух-трех минут.

Я развернулся и зашёл обратно в квартиру. На кухне было тихо, только бутылка виски глухо звякнула о край стола. Вдруг тишину разорвал резкий, сухой выстрел, затем второй, третий. Вся обойма. Жена палила из пистолета, который я сам когда-то купил ей для самообороны. Пули с треском разнесли кухонный шкаф. Я хладнокровно зашёл на кухню, жёстким движением вырвал оружие из её дрожащих рук, забрал пистолет и сел на стул напротив неё.

В эту же секунду входная дверь с грохотом слетела с петель, и в квартиру ворвался спецназ ООнВ. Парни в тяжёлой чёрной экипировке мгновенно взяли пространство под контроль. Я лишь коротким, тяжёлым взглядом указал коман-

диру на жену. Металлические наручники с сухим щелчком застегнулись на её запястьях. Она даже не сопротивлялась, лишь дико, неестественно рассмеялась, глядя мне прямо в лицо.

— Вряд ли мы когда-нибудь увидимся, — тихо сказал я ей.

— Да нет, — ухмыльнулась она, и её глаза сверкнули тем самым безумным, выжигающим изнутри огнём Вия. — Теперь я буду каждый день приходить к тебе во сне. Страшно?

Она снова заливисто, жутко рассмеялась.

— Уведите её, — распорядился я, отворачиваясь.

— Куда?! — завизжала она, теряя самообладание. — Я никуда не пойду! Я уйду только вместе с моими детьми!

Боец спецназа жёстко заломил ей руку за спину и силой повёл к выходу. Я перехватил со стола первые попавшиеся под руку женские туфли и передал их второму штурмовику. На лестничной площадке жена закричала на весь подъезд, её голос сорвался на безумный хрип:

— А где моя дочь?! Мы с ней играли в прятки!

Из-за двери соседней квартиры мгновенно донёсся отчаянный, испуганный плач Стеши:

— Мама! Мамочка!

Я вышел на площадку. Внутренний ад вырывался наружу, и я жёстко отрезал, прикрикнув на замерших в коридоре спецназовцев:

— Что, блядь, встали?! Лифт не ждите, ведите её по лест-

нице вниз! Быстро, я сказал!

— Стеша, доченька, где ты?! — продолжал доноситься снизу удаляющийся крик жены.

— Мама, я здесь! — закричала Стеша, пытаясь вырваться из рук соседки.

Вслед за сестрой навзрыд заплакал и Том:

— Мама! Мамочка!

Мне нужно было срочно проветрить эту проклятую квартиру, смыть этот удушливый запах деструктивного безумия. Я вернулся в комнаты, распахнул окна, и вдруг прямо посреди гостиной увидел его. Сергеев. Тот самый мёртвый инженер, которого Алсу забила девять лет назад, стоял посреди моей комнаты. Он смотрел на меня в упор, вежливо, вопросительно, и произнёс своим обыденным, спокойным голосом:

— Помощь какая-то нужна от меня?

У меня всё поплыло перед глазами. В коридоре плакали мои дети, звали мать, а этот призрак стоял в моей квартире и с лёгкой улыбкой спрашивал:

— Может быть, я детей себе заберу?

— Я уже здесь. Тебе что, плохо? — раздался сзади тихий, быстрый шёпот.

Я обернулся. Алсу стояла прямо за моей спиной, её пальцы коснулись моего плеча. Она приехала следом за штурмовой группой.

— Ты... ты его видишь? — хрипло спросил я.

— Да, этот черт здесь... — ответила она со злостью. — Иди нахер отсюда!

Алсу мгновенно перехватила мой тяжёлый ботинок, стоявший у двери, и с силой метнула его прямо в Сергеева. Тяжёлая подошва с глухим стуком влетела мертвецу точно в лоб. Инженер испуганно развернулся, бросился бежать вглубь комнаты, Алсу рванула за ним, но он в один немыслимый прыжок вымахнул прямо сквозь раскрытое окно четырнадцатого этажа и растворился в ночном воздухе.

Я вышел обратно на лестничную площадку, достал сигарету и закурил, пытаясь унять дрожь в руках. Дверь соседней квартиры приоткрылась, и оттуда донёсся ворчливый, старческий голос:

— Прокурили всю площадку, ни стыда ни совести...

— Нахер отсюда все! — рявкнул я так, что штукатурка качнулась. — Сейчас закрою всех!

Двери квартир мгновенно захлопнулись с испуганным стуком. Ко мне подошёл старший штурмовой группы, его лицо под маской было непроницаемым:

— Что дальше, командир?

— Давай все ко мне, — вмешалась Алсу, твердо заглядывая мне в глаза. — А мать куда? Мать — туда, в изолятор ООнВ. Сначала увезите её подальше, чтобы дети больше не видели этого позора.

— Понял, — кивнул спецназовец и ушёл вниз по лестнице.

Алсу наклонилась ко мне и тихо зашептала на ухо:

— Обуйся хотя бы, Рим. И возьми из квартиры вещи первой необходимости для детей.

— Я не могу туда заходить... — глухо ответил я, глядя в пустоту коридора, где все ещё витал запах Вия. — Можешь посмотреть сама, что нужно взять?

— Хорошо, сделаю. Только обуйся, пожалуйста, — она мягко подтолкнула меня к ботинкам.

Через пару минут вернулся старший группы: «Машина готова, двор чист». Я зашёл к Людмиле, забрал притихших, измученных детей на руки. Мы спустились на первый этаж, вышли на сырую ночную улицу и сели в служебный внедорожник. Следом за нами из подъезда выбежала Алсу, на ходу застёгивая куртку.

— Мне места не хватит, — растерянно сказала она, оценивая забитый салон.

— Как-нибудь уместимся, — ответил я, двигаясь.

Мы приехали к ней. Комнатка в старой коммуналке, длинный коридор, пахнущий старым деревом. Из соседней двери выскочила молодая девчонка — соседка Алсу примерно её же возраста. Увидев моих испуганных детей, она тут же жалостливо охнула и начала сюсюкаться с ними, отвлекая их внимание. Я повернулся к командиру сопровождения:

— Двух бойцов оставить здесь до утра. Один дежурит на улице у машины, второй — прямо возле входной двери в коридоре. Остальных — на базу, на покой.

Дети постепенно успокоились, умылись и больше не вспоминали маму. Соседка помогла уложить их обоих на старом широком диване в комнате Алсу. Когда я аккуратно раздевал сонную Стешу, чтобы переложить её под одеяло, мой взгляд наткнулся на её спину. На нежной детской коже горела багровая, воспалённая полоса.

— Что это, Стеша? — спросил я, и у меня внутри всё похолодело.

— Мама меня ремнём сильно ударила... — тихо пролепетала дочь, засыпая.

Внутри меня всё перевернулось и рухнуло с диким треском. Я на автомате достал рабочий планшет, вошёл в закрытую сеть ООнВ и дистанционно активировал скрытую архивную камеру нашей гостиной. Нашёл запись за сегодняшний вечер, отмотал время назад. Нашёл эту сцену. На экране планшета моя жена с искажённым от ярости лицом бешено размахивала тяжёлым кожаным ремнём и избивала маленькую девочку, нанося ей удары один за другим. Девять, десять... Дальше я просто не смог считать. Провод заскрипел в моих зубах.

— Я урою её пожизненно, — выдохнул я в гробовой тишине комнаты. — Она больше никогда не выйдет из изоляции. Никогда.

— Выключи, пожалуйста... — Алсу отвернулась к окну, закрывая рот ладонью. — Выключи это, я не могу на это смотреть.

Я заблокировал экран, подошёл к Стеше и поправил ей одеяло. Она спала мирно, посапывая носом. А шестилетний Том лежал рядом, не смыкая глаз, и смотрел на меня своим тяжёлым, взрослым взглядом. Я сел на край дивана и тихо взял его за маленькую руку:

— Прости меня, сын... Прости, что меня не было рядом с вами, когда это происходило.

Мы с Алсу вышли на узкий деревянный балкон коммуналки. В лицо ударил холодный ночной воздух N-ска. Тот самый сырой туман межсезонья, который стелется над Вечным шоссе. Я закурил, глядя на далёкие неоновые огни нашего стеклянного небоскрёба, где на верхних этажах ворочались упыри из больших корпораций.

— Надо что-то делать с этим чёртом, с Сергеевым, — глухо сказал я, стряхивая пепел вниз. — Он пришёл в мою квартиру.

— Рим, как бы тебе объяснить, чтобы ты понял... — Алсу повернулась ко мне, её лицо в свете далёкого фонаря казалось бледным и очень серьёзным. — Его не существует на самом деле. Это морок. Но он для чего-то нужен нам сейчас, раз мы оба его видим. Тот, в ком когда-то воплотилась вся эта боль, приходит к нам именно в самые критические, переломные ситуации. Он хочет что-то сказать нам. Может быть... может быть, стоит не бросать в него ботинки, а попробовать поговорить с ним? Выслушать его, понять, чего он хочет? Найти ту самую точку схождения...

Я затянулся, чувствуя, как дым обжигает лёгкие.

— Я подумаю, — ответил я.

Глава 5

Гриша позвонил. Шеф вызывает. Ты готова?

— Как пионер, — пробормотала Алсу.

Ровно в 9:45 мы уже стояли в кабинете Олега Викторовича в Управлении ООнВ. Алсу сидела в строгом кресле — бледная, собранная, настоящий сфинкс в тёмном жакете. Я прислонился плечом к косяку.

— Вот мы и познакомились, — шеф облокотился на массивный стол, переводя уставший взгляд с меня на Алсу. — Вкратце обрисую ситуацию. К нам по неофициальным каналам обратился очень состоятельный соотечественник. Его собственный сын по имени Байрон — законченный монстр. Он буквально доводит родителей до исступления с помощью изощрённых манипуляций и скрытых провокаций. Это высшая, рафинированная форма социопатии. Понимаете, внешне всё выглядит так, будто мальчик — абсолютный святоша, идеальный и педантичный, а родители — просто безумные тираны, которые над ним измываются. Нас просят дать экспертное заключение. Рим, ты готов слетать в Майами?

Но шеф не ждал моего согласия.

— Через полтора часа твой рейс во Флориду.

Майами встретил меня палящим, ослепительным солн-

цем и влажным океанским бризом. Из аэропорта на роскошное закрытое ранчо меня вёз сам отец семейства — Максим, плотный мужчина с серым, выжженным от перманентного стресса лицом.

— Я представлю тебя как соинвестора из России, — хмуро инструктировал он меня по дороге. — Сегодня у нас на ранчо намечен большой пикник, соберутся родственники, друзья... Я больше не могу терпеть выходки Байрона. Я уже готов киллеров нанять, чтоб убрать собственного сына, прости меня, Господи. Просто выведи его на чистую воду.

Когда мы наконец прибыли на место, дорожная усталость навалилась тяжёлым грузом. Я вырубился и проспал до обеда.

Когда проснулся, пошёл поплавать в бассейн, где познакомился с Байроном, пытался разговорить его, но, так ничего не добившись, уже готов был признать своё полное фиаско, набрал Алсу.

— Что мне делать? Как мне разговорить этого чёрта?

Она молчала. Я слышал её дыхание.

— Хорошо, давай я попробую. Жди меня.

Я удивлённо положил трубку...

Алсу закрыла глаза. Она представила себе, что срывается с места, бежит, отрывается от земли, отчаянно машет руками как крыльями и взлетает. Под ней расстилаются бескрайние, подёрнутые серой дымкой поля, змеятся реки и тянутся бесконечные дороги, по которым крошечными жуками дви-

гаются машины. Полет кажется бесцельным. Она то врывается в тяжёлые, влажные облака, летя сквозь их слепую толщу, то опускается чуть ниже...

В полёте перед ней мелькают сцены из детства: вот она бежит в школу с тяжёлым ранцем, вот её встречают родители. А здесь, в деревне, совсем одна учится держаться в седле — конь сбрасывает её раз за разом, но она упрямо взбирается обратно и летит по бескрайнему полю. Вот на день рождения дарят щенка, а через месяц он умирает, и она горько плачет. А тут — первый поцелуй в школе, в щеку, просто за то, что мальчик дал списать.

«Зачем я живу и что такое жизнь? — думает она. — Если всё вот так закончится в одночасье, зачем всё это было нужно?» Под ней океан.

Лететь невероятно легко. Но надо, пора опускаться на землю.

Она в эпицентре пикника, но её никто не видит, кроме Байрона.

БАЙРОН: Человечество выглядит глупо в своей вечной борьбе с природой. Только слившись с природой, человек обретает наконец-то покой. Только перестав бунтовать против природы, он понимает, что он дома.

АЛСУ: Ты говоришь сейчас полную бессмыслицу. Примерно так же рассуждают нью-эйджеры. Ну что стоит за вашими словами? Какое-то нагромождение смыслов.

БАЙРОН: Хорошо, как я посмотрю, ты здесь самая ум-

ная. Мне вот интересно услышать твоё мнение о дуэли природы и человека.

АЛСУ: Какая может быть дуэль — игра в одни ворота? Борьба ручейка против океана. И только тогда человек сам становится океаном, тогда имеет смысл какая-то борьба.

БАЙРОН: Ты себя сейчас слышишь? Что ты сказала? Большего бреда я не слышал в жизни.

АЛСУ: Ну, потому что ты, кроме себя, никого не слышишь. Если бы ты заставил себя выслушать хоть раз в жизни чужое мнение, может быть, тогда бы ты стал наконец человеком и перестал бы быть обезьяной...

БАЙРОН: А ты умеешь провоцировать. Прямо сейчас мне тебя хочется задушить.

АЛСУ: Так у меня прекрасный учитель.

БАЙРОН: Откуда ты взялась? Ты кто вообще? Тебя пригласили мои родители?

АЛСУ: Я принцесса Лея, слышал о такой?

БАЙРОН: Мне что-то такое говорили, что кто-то будет из высокопоставленных особ присутствовать. Но я пропустил мимо ушей... Никогда не думал, что принцессы сильны в философии.

АЛСУ: Какая может быть философия? Живи сам, не мешай жить другим. И всё, больше ничего не нужно... Как там у поклонников гештальта? Я пришёл в этот мир не для того, чтобы оправдать твоих ожиданий.

БАЙРОН: В списках приглашённых гостей нету принцес-

сы Леи. Я понял, кто ты, ты коп. Больше ты слова от меня не вытянешь...

АЛСУ: Наконец-то в тебе произошло полное слияние обезьяны и природы.

Он подлетел к ней и начал избивать её. В реальности это выглядело так, как будто он махал кулаками в пустоту, как бой с тенью, доведённый до исступления.

Алсу успела сказать мне перед тем, как исчезнуть: «Я возвращаюсь. Я хоть и не чувствую боли, но неприятно всё это терпеть». Я нажал на кнопку Stop. Холмс сообщил мне, что запись произведена. Более дублей не нужно.

Глава 6

Звонок застал меня в пустой квартире, когда за окном N-ска уже сгустились глухие, сырые сумерки. На экране планшета мигал закрытый внутренний идентификатор шефа. Я активировала линию связи.

— Здравствуйте, Олег Викторович.

— Здравствуй, Алсу.

— Слушаю вас внимательно.

— У меня для тебя необычное задание и просьба к тебе, чтобы никто о нём не знал.

В трубке на секунду повисла тяжёлая, неестественная пауза.

— Я вас поняла.

— Не переспрашиваешь по поводу Алёхина? Да, и Алёхин тоже чтоб не знал. Вот координаты девушки, с которой ты должна созвониться и взять у неё интервью.

— Какие вопросы я ей должна задать?

— Какие хочешь. Ты же знаешь, я сторонник спонтанных вопросов, которые возникают в процессе общения. Не знаешь? Ну вот знай теперь. Вот жучок возьмёшь с собой и, прошу тебя, Холмс с собой не брать, прибор ни в коем случае. Только вот этот жучок, больше ничего. Не надо его включать, выключать. Просто пусть он у тебя лежит. Я сам, когда надо, включу, когда надо — выключу. И содержание разговора потом никому не передавай. Как зовут девушку? Неважно как. Как хочешь назови её. Пусть будет Блэйки.

Час ночи. Маленькое ночное кафе на окраине тонуло в тусклом неоновом свете. Блэйки сидела напротив — нервная, с размазанной тушью под глазами, судорожно перебирая пальцами ремешок сумки.

БЛЭЙКИ: Ты Алсу?

АЛСУ: Я.

БЛЭЙКИ: Спрашивай, что ты хотела узнать.

АЛСУ: Как ты докатилась до такой жизни?

Девушка вздрогнула, её взгляд мгновенно стал колючим.

БЛЭЙКИ: Ты издеваешься надо мной?

АЛСУ: Что не так в этом вопросе?

БЛЭЙКИ: Не знаю. Я думала, ты спросишь: «Как я себя чувствую?» — и так далее.

АЛСУ: Ты ждала, что я тебя пожалею, а я тебя не буду жалеть, потому что ты сама выбрала такой путь.

БЛЭЙКИ: То есть ты всё знаешь? Ну, а зачем тогда надо было встречаться, не пойму? Я думала, вам будет интересно.

АЛСУ: Мне лично порнобизнес не интересен.

Блэйки замерла, округлив глаза. Между ними повисла звенящая тишина кафе.

БЛЭЙКИ: Скажи честно, ты догадалась? Или ты... или тебе сказали про порнобизнес?

АЛСУ: Догадалась.

БЛЭЙКИ: Ну, если мы расставили все точки над i, я тогда пойду.

АЛСУ: Сначала расскажи, кого ты предпочитаешь: женщин или мужчин?

БЛЭЙКИ: Да, в принципе, всё равно.

АЛСУ: И позы не имеют значения?

БЛЭЙКИ: Абсолютно.

АЛСУ: И любовники не имеют значения?

БЛЭЙКИ: Почему же, жужжалка лучше всех.

Напряжение резко спало, и они обе тихо, понимающе рассмеялись в полумраке зала.

БЛЭЙКИ: Ни одного моего фильма не видела?

АЛСУ: Не-а...

БЛЭЙКИ: Тебе неинтересно, почему я этим занимаюсь?

АЛСУ: Я уже поняла, что у тебя биполярка.

Блэйки резко выдохнула, её плечи опустились, а в глазах

проступило глухое отчаяние.

БЛЭЙКИ: Ты первая, кто меня поняла. И что теперь будет? Меня закроют?

АЛСУ: Понятия не имею. Это не в моей компетенции.

БЛЭЙКИ: Ну, мне пора бежать. Звони, если что.

Алсу молча пододвинула по столу листочек бумаги, на котором быстрым почерком было написано: «Какая у тебя жужжалка?»

Блэйки перехватила карандаш и размашисто прописала: Womanizer.

Алсу спокойно кивнула головой, забирая листок.

АЛСУ: Покурим на дорожку, сестричка.

БЛЭЙКИ: Покурим.

Они вышли на залитое ледяным ночным дождём крыльцо. Щёлкали зажигалки, едкий дым мгновенно уносило порывами ветра. Когда они расстались, прибор-жучок в кармане куртки Алсу тихо, едва слышно пикнул. Она аккуратно достала его, положила в звуконепроницаемую коробочку, пряча в сумку, и вдруг обернулась вслед уходящей девушке.

— Блэйки, постой! Мне нужен хороший мальчик.

— На ночь или так? — обернулась та.

— Пока на ночь, а там посмотрим.

— Какие предпочтения?

— Мне нужен мулат.

Блэйки на секунду залезла в карман, вытащила глянцевый прямоугольник картона и протянула ей.

— Вот визитка, его зовут Серж. Скажи, что от меня, он тебе сделает скидку.

— Спасибо тебе.

— Звони, если что...

«Серж, привет. Ты свободен сегодня? Неважно, как меня зовут. Пусть будет Лаура. Вот адрес, я тебя жду. На всю ночь. Посмотрим, что ты умеешь».

Но Серж разочаровал. Вместо обещанной экзотики Алсу пришлось два часа слушать бесконечную, унылую кучу вопросов: «А так нормально? А так как ты себя чувствуешь? Так лучше? А так? Вот давай теперь это так попробуем. Как тебе ощущения? Нормальные?»

Его зацикленный, робкий прагматизм раздражал до зубовного скрежета. Она пару раз делала ему жёсткие замечания, чтобы он наконец заткнулся. В итоге, чтобы прекратить эту пытку, пришлось механически имитировать оргазм, а потом просто выставить его за дверь в холодный утренний коридор.

Она сразу набрала номер Блэйки, зло выдыхая в трубку:

— Ты издеваешься надо мной? Он меня достал просто своими вопросами идиотскими!

В трубке раздался заливистый, искренний хохот Блэйки.

— Да он такой, ну ты знаешь, это лучше намного! Он очень чуткий. Вот так основная масса — такие мужланы, тебя приучат к боли. Да, в первую очередь, потому что они все заднеприводные...

Олег Викторович позвонил на следующий день ближе к полудню. Его голос в динамике звучал глухо, надтреснуто, без капли привычной министерской уверенности.

— Я тебе так благодарен... тебя премирую.

— Не стоит, Олег Викторович, — тихо ответила Алсу, глядя на остывающий кофе в чашке. — Я понимаю ваши чувства.

На том конце провода повисла тяжёлая, удушливая тишина. Слышно было только, как шеф тяжело дышит.

— В смысле... понимаешь?

— Вам больно как отцу всё это знать.

Из динамика донёсся тихий, прерывистый выдох, похожий на глухой стон человека, которому вживую режут старую рану.

— Больно. Очень больно.

Линия оборвалась.

Глава 7

Локация: Международный аэропорт Майами. За панорамными окнами терминала — ослепительное тропическое солнце, пальмы и влажное марево над взлётной полосой. Внутри — стерильная прохлада, гул кондиционеров и приглушённый, монотонный шум многоязычной толпы. В воздухе витает запах дорогого кофе, парфюма и авиационного керосина.

Максим отвёз меня в аэропорт, где мы расстались как лучшие друзья. Неделю я зависал у него на ранчо, он позвонил шефу от моего лица, попросил дать мне отпуск. Даже на эмоциях сказал, что какой к чёрту отпуск? Это работа, я ему оплачу каждый день. Его впечатлила наша работа с его сыном. Он так и не понял, как мы это провернули, но сына удалось изолировать. Сын согласился пить лекарства и уже подавал родителям слабую надежду на то, что он готов меняться.

Я уже сидел в самолёте. Рядом со мной подсел пассажир. Мне даже показалось, что я его где-то видел: то ли какой-то актёр известный, то ли политик. Я на всякий случай активировал Холмса, а сам прикрыл глаза в сладкой дрёме.

Самолёт взлетел, и через полчаса мы попали в зону турбулентности. Нас крутило-вертело минут пять, а потом всё успокоилось. Незнакомец улыбнулся и сказал дружелюбно:

НЕЗНАКОМЕЦ: Вот видите, всё закончилось...

АЛЁХИН: Я не переживал особо.

НЕЗНАКОМЕЦ: Это правильно, чего переживать-то? Все там будем.

АЛЁХИН: Я смотрю, вы оптимист.

НЕЗНАКОМЕЦ: Да нет, я просто знаю, что всё хорошо будет.

АЛЁХИН: Мне вот интересно, почему вы употребляете это слово «я знаю»? Откуда вы знаете? Извините, что я делаю вам замечания, но это даже больше не замечание, а ри-

торический вопрос. Откуда вы знаете? Даже не конкретно вы, а вообще...

НЕЗНАКОМЕЦ: Да почему же? Можно и мне. Я уже умирал однажды, поэтому могу сказать, что да, я знаю.

АЛЁХИН: Вы пережили клиническую смерть?

НЕЗНАКОМЕЦ: Что-то в этом роде, но я не хотел бы подробно сейчас это обсуждать. Не то чтобы это больно, а то, что это ни к чему, мы всё равно не поймём друг друга. Вы же не умирали, а умирал я.

АЛЁХИН: Извините, если я задел ваши чувства.

НЕЗНАКОМЕЦ: Ладно, проехали.

АЛЁХИН: Извините, я перебил вас.

НЕЗНАКОМЕЦ: Ничего страшного. Так вот, те, кто пережил эту смерть клиническую, говорят, они потом резко меняются, начинают жить по-другому, понимая, что жизнь — это ценность и прочее бла-бла-бла... Я же усвоил другое. Смерть — вот это ценность. Когда вот это всё умирает, напускное. Когда ты становишься никем и отныне будешь пребывать нигде... Вот это высший кайф.

АЛЁХИН: От ваших слов становится жутко. Прямо какая-то некромантия.

НЕЗНАКОМЕЦ: Нету никакой жути. Всё просто. Тебя нет. И туда, куда ты попал, этого места тоже нет.

АЛЁХИН: Даже не смею у вас спросить о Боге и прочее.

НЕЗНАКОМЕЦ: Отчего же, спрашивайте. Я отвечу: Бог есть.

АЛЁХИН: Вы это почерпнули из своего опыта?

НЕЗНАКОМЕЦ: Да. Я думаю, что да.

АЛЁХИН: А как вы поняли, что Бог есть?

НЕЗНАКОМЕЦ: Когда я умер, я почувствовал его любовь.

АЛЁХИН: Прямо так и почувствовали?

НЕЗНАКОМЕЦ: По-другому и не скажешь.

АЛЁХИН: Родных и близких видели?

НЕЗНАКОМЕЦ: Видел маму, видел отца на расстоянии неблизко. Но видел и любовь их чувствовал.

АЛЁХИН: Однако мы подлетаем.

НЕЗНАКОМЕЦ: Да, незаметно пролетело время.

АЛЁХИН: С ума сойти! Столько часов проболтали.

НЕЗНАКОМЕЦ: Было приятно провести с вами эти часы.

АЛЁХИН: Что же, желаю вам всего наилучшего, не болеть. Не знаю, что там привело вас к клинической смерти.

НЕЗНАКОМЕЦ: Я вам желаю всего хорошего, самого главного — прийти к гармонии.

АЛЁХИН: У меня такое чувство, что я вас где-то видел. Вы актёр или политик? Кто вы? И как вас зовут?

НЕЗНАКОМЕЦ: Да я...

Пассажиры ринулись к выходу.

Я завозился с вещами.

Уже потом, выйдя и спустившись по трапу, я увидел, как он зашёл в автобус.

Двери за ним закрылись, и он уехал с первой партией пас-

сажиров...

Локация: Аэропорт города N-ск. Холодный октябрьский вечер. Мокрый бетон перрона блестит в резком свете мачтовых прожекторов. Ветер гонит по асфальту ледяную морось. Стеклянные двери перронного автобуса с шипением смыкаются, отрезая от сырого ветра.

Подъехал второй автобус. Меня волной занесло в него вместе с другими пассажирами.

И только потом, когда закрылись двери и автобус тронулся, я понял, кто это был. Сергеев Валентин Юрьевич. Телефон завибрировал. Звонил шеф.

— Рим. Вот это удача. Ты опять взял интервью у этого мертвеца. Мы всем отделом слушали, не отрываясь, ваш диалог. Незабываемые ощущения...

Глава 8

Пока ехал с аэропорта домой, мне сообщили ужасную новость. Моя жена повесилась.

Она и так находилась не в лучшем расположении духа. Кому-то взбрело в голову посадить её в одну камеру со старухой. Что я скажу детям... и когда я им это скажу...

Звонил Олег Викторович, выразил соболезнования. Сказал, что жена сама попросила с кем-нибудь её поселить, потому что устала от одиночества...

— Не с этим же монстром! — закричал я в сердцах.

— Рим, я понимаю твои чувства, мне об этом только что доложили.

Я позвонил Алсу. Сообщил ей новости и сказал, что еду к себе, там переночую...

Открыв дверь, я вновь почувствовал эту гнетущую атмосферу прокуренной квартиры. Открыл все окна, двери, сбегал за водкой, сказал сам себе: «Сегодня я всю ночь буду пить».

Ближе к полуночи я понял, что осушил бутылку водки, так и не захмелев. Я просидел в полной пустоте и тишине несколько часов. Тело нещадно ныло от усталости, накопленной после перелёта. Я взял фотоальбом, пытаясь пробудить в себе хоть каплю жалости к жене, но это так и не сработало. Пытался думать о детях, что теперь с ними будет, но внутри — тишина. Так и уснул головой в стол. А когда проснулся, понял, что в доме кто-то есть, кроме меня. Ноги затекли, я еле встал, попрыгал на месте, разминая стопы. Она стояла. Юная, как когда-то, когда мы только начали жить вместе, немного озадаченно смотрела на меня.

ДУСЯ: Рим. Я уже битый час бужу тебя, никак не могу добудиться. И не могу понять, у нас ещё что-то было с тобой помимо нас двоих? Что-то было ещё, напомнишь мне? Не могу вспомнить...

РИМ: Как ты себя чувствуешь? — задаю я дежурный вопрос, трясущимися руками наливая водку в стакан.

ДУСЯ: Ты бы не пил сейчас.

РИМ: Почему?

ДУСЯ: У меня такое ощущение, что я умерла. Не могу понять, правда это или нет?

РИМ: Давай не будем сейчас об этом, пожалуйста.

ДУСЯ: Любимый, у тебя всегда отговорки. Хорошо, давай не будем сейчас об этом. А когда мы об этом будем? И что мне по этому поводу думать? Живая я или неживая?

РИМ: Для меня ты всегда живая.

ДУСЯ: А, то есть я всё-таки для тебя живая. А так вообще неживая. И что это значит? Значит, я умерла.

РИМ: Дуся, почему мы всё время говорим о грустном? Давай говорить о чём-то хорошем, жизнеутверждающем.

ДУСЯ: Ну конечно, хорошо, как скажешь, любимый. Начинай, говори. Я послушаю тебя внимательно, что у нас есть хорошее и жизнеутверждающее?

РИМ: У нас есть пара малышей красивых, прекрасных.

ДУСЯ: И что же здесь хорошего и жизнеутверждающего в том, что они теперь будут расти без матери?

РИМ: Дуся, пожалуйста.

ДУСЯ: Что «пожалуйста»? Что «пожалуйста»? Я, блядь, повесилась. Неужели ты этого не понимаешь? Вот, посмотри, следы на шее. На, посмотри. Ты, блядь, довёл меня. Посадил меня в камеру к этой старухе, которая добила меня, просто добила. Ты хотел от меня избавиться. Избавился, добился своего? А теперь тут демонстративно пьёшь водку и говоришь, что всё прекрасно, хорошо. Давай не будем о пло-

хом.

РИМ: А потому что, блядь, таблетки надо было пить, которые тебе прописали, а не виски глушить из бутылки.

ДУСЯ: Ах, я ещё и виновата, что доставила тебе столько неудобств. Выблядок.

РИМ: Дуся, успокойся и положи нож на место.

ДУСЯ: Испугался? Я ещё не совсем из ума выжила. Я-то понимаю, в отличие от тебя, что детям нужен живой отец. Это тебе почему-то надо было, чтобы у твоих детей была мёртвая мать. И вот она, я мертва. Ты нашёл уже кого-то на моё место, вот эту лярву свою. Знай, я не дам вам жизни. Не дам насладиться тем, что вы меня сбагрили, уничтожили. Я буду докучать вам вечно.

РИМ: Положи нож на место, я тебе сказал, нет, аххх...

В квартиру ворвался спецназ.

Дуся на глазах исчезла, хохоча, размахивая кровавым ножом.

Меня увезли на скорой, я едва не умер от потери крови...

Прошло где-то полгода. Мы были вдвоём в квартире: я и моя дочь Стеша. Я готовил на кухне ужин, варил кашу, а она играла в куклы. Краем уха услышал, как она поёт какую-то песню, потом я почувствовал что-то не то... Подошёл к гостиной, не высовываясь, прислушался, пытаясь понять, о чём она поёт:

«...Ты довёл меня, довёл меня,

И я повесилась, повесилась.

А теперь говоришь, мне говоришь,
Убери, мне говоришь, свой нож...»
Подошёл к ней, взял её на руки:
— Всё хорошо. Где ты услышала эту песенку?
— Нигде, я просто так спела.
— Всё хорошо, солнышко моё, всё будет хорошо.
Тут я понял, что каша подгорела...

Глава 9

САНИЯ МИТХАТОВНА: Пётр Петрович!

ПЁТР ПЕТРОВИЧ: Да.

САНИЯ МИТХАТОВНА: Здравствуйте, это вас Сания Митхатовна беспокоит.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ: Здравствуйте, Сания Митхатовна, рад вас слышать.

САНИЯ МИТХАТОВНА: А я вас благодарю безмерно. Низкий поклон вам до земли за то, что вы обратили внимание на несчастную женщину, которую заточили здесь, в этих казематах. За то, что я всю свою жизнь любила своего сына, вырастила его как честного гражданина, как полезную единицу, как нужный винтик в нашем большом механизме, ввела его в общество, научила всему, чему учили нас наши предки. А главное — любить Родину, любить родную сторонку, была среди первых. Всегда оказывала внимание пожилым людям. И самое главное — уважение. И в наше вре-

мя сейчас, когда всем плевать на пожилых, нас осталось таких немного: вы да я, двое человек всего лишь. И даже вы, рискуя своей репутацией, передали мне мобильный телефон, спрятанный в книге, который распорядились не открывать. Слава Богу, что не открыли. И вот теперь есть мобильная связь, теперь есть связь с внешним миром, но прежде всего — связь с вами. Благодетель вы мой.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ: Ну что вы, Сания Митхатовна! Я весьма польщён вашим отзывом обо мне, о моей скромной персоне, и всегда готов вам помочь. Если вдруг какая-то помощь от меня нужна, вы только мне сообщите. Я переверну мир вверх дном, но наведу порядок. Уж поверьте мне. Я хоть и в отставке, но пока ещё второй советник замминистра юстиции.

САНИЯ МИТХАТОВНА: Да вы что? Теперь я за вами как за каменной стеной. И вот хотела сразу бы пожаловаться. Да не то чтобы пожаловаться, это крик души. Просто просила по-человечески: раз уж вы меня посадили в камеру, раз уж изолировали от вашего общества... Хотя это вас надо было изолировать. Я не про вас, Пётр Петрович, сейчас говорю, а про тех людей, которые меня посадили в эту камеру. А за что посадили? И почему? Разве был суд? Суда никакого не было. Без суда и следствия меня направили прямо сюда за какие-то вымышленные преступления, причём не мои, а других людей. Что за волюнтаризм, спрашивается? Зачем эти разговоры? Чего они хотят этим доказать?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ: Что значит «посадили»? Что, был суд, который постановил вас держать под стражей? Или есть какие-то официальные документы?

САНИЯ МИТХАТОВНА: Да какие документы, Пётр Петрович? Это же шарашкина контора, которые рыщут по белому свету и всех людей неординарных хватают не глядя, доводят до самоубийства потом с целью обогащения. Сейчас положили глаз на мою квартиру и ведут охоту круглосуточно, причём наблюдение устроили такое, что вся надежда на вас. Пётр Петрович, войдите в положение. Я вас никогда не забуду.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ: Да уж. Я за всю жизнь свою не встречал такого. Что это такое тут устроили посреди бела дня, значит, в самом центре города. Обязательно разберусь, Сания Митхатовна, обязательно.

САНИЯ МИТХАТОВНА: Уж разберитесь, Пётр Петрович. Тут и не только люди ходят, тут и покойники приходят, навещают меня. Давеча приходил один тут такой, которого одна следовательница девять лет назад убила. И вот он ходит, бедный, несчастный. Сейчас, значит, каких-то девок на него вешают, якобы он их убил. Как он мог их убить, если он девять лет уже как мёртв? Так что вот такое тут творится несуразное. Сейчас теперь вот эта повешенная будет приходить ко мне, как покойница. То мне днём спать не давали, клацают постоянно дверями, металлическими замками. Сейчас теперь и ночью спать не будут давать, будут ходить

привидения тут налево-направо. Устроили в центре города тихий какой-то ужас просто-напросто. А кто сдал в аренду им это помещение? Надо разобраться и посадить немедленно в тюрьму всех сообщников, всех соучастников. Я вам подготовлю списки.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ: Вы уж подготовьте спички-списки, Сания Митхатовна. Я с этими списками — я им в лицо эти списки брошу, поголовно каждому, кто виноват. И эту следовательницу, которая убила ни в чём не повинного человека, а сейчас на которого вешают ещё каких-то девок — обязательно разберусь с этим. Надо же, такой гнойник держат прямо в сердце нашего города, всего в пяти шагах, поэтому я, пожалуй, выступлю... Сания Митхатовна, я смотрю, вы на фотографии прямо красавица. Вы одинокая, я одинокий. Почему бы нам вместе не составить, так сказать, компанию друг другу? Взять просто и пожениться? Я вам официально, как советник юстиции в отставке, делаю предложение: «Будьте моей невестой». Мы ещё относительно молодые, собрались до ста лет жить, и вы, и я. Ещё успеем шороха навести в любом гадюшнике. Как составим тандем, как устроим всем этим пройдохам за то, что они с вами сделали! Ну что вы, как? Согласны, не согласны хоть? Как вам моё предложение?

САНИЯ МИТХАТОВНА: Ой, дорогой мой Пётр Петрович, я так счастлива. И особенно за фотографию, которую мне подарили, где вы как Эрнест Хемингуэй. Конечно же,

я согласна. Согласна с вами хоть на край света идти, хоть в Сибирь, как декабристка готова скитаться с вами где угодно, хоть по миру, хоть без мира. Готова печь вам пирожки каждый день, борщи варить, творожки заворачивать, сухариков в чай насыпать. Всё готова делать, миленький вы мой человечек, самый дорогой на свете, как оказалось. Конечно же, я отвечаю: «Да». Я сейчас самая счастливая женщина на свете. Никогда не думала, что в позднем, уже в пожилом возрасте выйду замуж за такого прекрасного принца, как советник юстиции. Конечно, Пётр Петрович, да, да и только да. Только вы приезжайте, я хоть взгляну на вас, а то вдруг вы какой-нибудь кривой, косой, горбатый. Не хотелось бы за горбатых выходить замуж. Я посмотрю на вас и окончательно приму решение, что да. Так что вы не сомневайтесь, я уверена, что у вас всё хорошо с внешностью, что ногти-ноготочки все пострижены, что рубашки все выглажены. Я верю, что вы следите за собой как человек военный, как человек казённый, государственный. Я уверена на сто процентов. Но всё равно посмотреть бы не мешало на товар, как говорят купцы. А я на вас не только хотела бы посмотреть, а просто полюбоваться вами и ещё раз сказать себе и всему миру, как же мне повезло. Так что приезжайте поскорее, лучше завтра, а может быть, даже и сегодня в ночь. Также хотела бы вас проверить в деле, всё ли у вас там в порядке в том самом смысле. Я хоть женщина и пожилая уже, и всё уже давно у меня прошло и кончилось, но хотела бы иметь хоть

какой-нибудь, но стабильный секс. Так что вы приезжайте, я жду вас немедленно. Я уже сгораю от любви к вам. И моя искра уже горит, и она, как маяк, освещает вам путь. Так что, мой корабль, плывите ко мне быстрее в мои объятия. Мы заключим друг с другом это соглашение, всё имущество, которое там есть у нас нажитое, всё, как говорится, разделим, как надо, как полагается. И будет у нас счастье в жизни, и будет радость. И наши дети порадуются за нас. Поверьте, поверьте, а уж как мой сын порадуется! О-о, не представляете себе. О-о-о!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.